

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

ИЛЬЯ КОНОНОВ,

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социологии Луганского государственного педагогического университета им. Т.Шевченко

Интеграция и регионализация в Европе: взгляд из Уэльса¹

Wales Today / Ed. by D.Dunkerley, A.Thompson. — Cardiff: University of Wales Press, 1999. — 326 p.

Dunkerley D., Hodgson L., Konopacki S., Spybey T., Thompson A. National and Ethnic Identity in the European Context. — Cardiff: Glamorgan University Press, 2000. — 233 p.

Само слово “Европа” в Украине приобрело несколько мифологизированный оттенок. Значительная часть нашего истеблишмента сделала из него даже не политический идеал (что было бы, возможно, и неплохо), а скорее фетиш, долго повторяя, что мы великая европейская нация, что пора бы уже разобраться и с тем, что же на самом деле происходит в Европе, и с тем, какие мы европейцы.

Второй аспект я сейчас затрагивать не буду, а вот, что касается социальных процессов в Европе, то хорошее представление о них дают рецензируемые работы

---

¹ Работа выполнена благодаря гранту, предоставленному кафедре философии и социологии ЛГПУ им. Т.Шевченко Международным Фондом “Відродження” в рамках Мегапроекта “Высшее образование: лидерство для прогресса”.

Автор благодарит преподавателя университета Гламорган (Уэльс) Роуз Пирсон и профессора этого же университета Дэвида Данкерли за подаренные тексты, давшие повод для предлагаемых читателям размышлений над книгами.

Выражаю искреннюю признательность ассистенту нашей кафедры, магистру социологии Д.М.Топольскову за помощь в переводе рецензируемых книг.

коллег из Уэльса. При этом следует отметить вклад в написание второй из указанных книг польского социолога Станислава Конопачко.

Взгляд из Уэльса по целому ряду причин оказывается более пронизательным, чем взгляды из столиц. Обостряют этот взгляд особенности положения этого края. Прежде всего речь идет о крайней противоречивости этого положения. Уэльс, который жил по английским законам с 1536 года, когда при Тюдорах был заключен союз Англии и Уэльса, сейчас ищет свою идентичность (Wales Today, p. 213, 287). Эти поиски не повторяют шотландские. Здесь нет значительных групп, ратующих за отделение от Великобритании. Вместе с тем, здесь гордятся старыми антиимперскими настроениями, которые концентрировались во фразе: “I’m not white, I’m welsh” (“я — не белый, я — валлиец”) (Ibid., p. 279).

Уэльс пережил шоковую терапию консерваторов и до сих пор в полной мере от нее не оправился. В тот период кризисные явления были характерны не только для угледобывающей и сталелитейной промышленности, которые фактически ликвидировались, но и для региональной идентичности, связанной с этими отраслями экономики. До сих пор для края характерен разрыв между развивающимся северо-востоком и стагнирующим юго-западом (Ibid., p. 15).

Политика консерваторов, возможно, была не лучшим ответом на проблемы глобального капитализма. Особенно тяжелые удары она нанесла по старым индустриальным районам. Социальные последствия кризиса индустриализма были достаточно драматичными. С одной стороны, сокращение традиционно “мужских” отраслей экономики привело к успеху женщин на рынке труда. Если в 1951 году 75,5% женщин трудоспособного возраста в Уэльсе не работало (среди мужчин лишь 13,6%), то в 1993 году процент занятых мужчин и женщин сравнялся. М.Джонс расценивает эти изменения на рынке труда как “революцию с долговременными последствиями” (Ibid., p. 15). К числу этих последствий относятся как утверждение в 1975 году актов о равной оплате труда и половой дискриминации (Ibid., p. 251), так и кризис традиционной семьи. Если в 1951 году только 3,8% детей в Уэльсе были рождены вне брака, то в 1990-е годы их число достигало 41% (показатель по Великобритании — 36%) (Ibid., p.31). Прав, видимо, Д.Данкерли, когда пишет, что не следует драматизировать эти цифры. Сожительство стало формой семьи.

В Уэльсе кризис индустриализма и ростки постиндустриализма были связаны с распространением “новой бедности”. Новой бедностью называют относительную бедность. К бедным относят тех, чей доход меньше половины среднего дохода по стране. По этому критерию 20% населения Уэльса сейчас относятся к этой категории (Ibid., p. 43).

Бедность ведет к социальному исключению, когда человек становится неспособным выполнить обязанности гражданина. Социологи Уэльса, как и Великобритании и Европы вообще, сейчас активно обсуждают эти проблемы. Рассматриваются два подхода к бедности — *французский* (бедность как проявление особенностей социальной структуры) и *английский* (бедность как результат неуспеха отдельного индивида). Д.Адамсон делает вывод, что второе понимание причин бедности не выдержало эмпирической проверки при консерваторах (Ibid., p. 48). В нашей стране не мешало бы обратить внимание на этот вывод. Ведь у нас тэтчеризмом сейчас восхищаются чаще, чем на родине железной леди.

После кризиса Уэльс пережил экономический подъем. Сейчас в Уэльсе проживает 5% населения Великобритании (2,9 млн чел.), но 5,7% всех занятых. Экономический подъем наступил благодаря иностранным инвестициям (40% — США, 27% — ЕС, 20% — Япония и др.). Электроника, электротехника, моторы, химикалии — это продукция, производством которой занято более 50% рабочей силы. Но зарплата здесь ощутимо ниже, чем она была в угольной и металлургической отраслях. Если сейчас на заводах, производящих электронику, рабочий получает около 173 фунтов стерлингов, то шахтер получал около 330, а сталевар — около 314

фунтов стерлингов в неделю (Ibid., p. 62). Так что становление постиндустриального общества в разных регионах мира имеет разные последствия.

Следует отметить еще одну особенность Уэльса — его бикультурализм. По переписи 1991 года, 18,6% его населения могли говорить на валлийском языке (Walsh Language) (Ibid., p. 91). С 1988 года изучение валлийского языка является обязательным во всех школах Уэльса. Несмотря на все трудности сохранения валлийской языковой идентичности, процессы в культуре Уэльса созвучны с процессами во всей Европе. Имеется в виду стремление защитить региональные языки.

Видимо, эти уэльские реалии и сыграли свою роль в формировании особой чуткости социологов этого края к общеевропейским процессам.

Становление Европейского Союза (ЕС) рассматривается ими в очень широком международном и историческом контексте. Авторы приходят к выводу, что формирование единой Европы фактически затрагивает ее цивилизационную идентичность. Тони Спайби пишет, что политического единства Европа не знала со времен Римской империи. Все попытки политического объединения старого континента (связанные с именами Карла Великого, Наполеона или Гитлера) носили агрессивный характер (National and Ethnic Identity..., p.32.). Европейская цивилизация формировалась как система независимых государств. По мнению Т.Спайби, именно это отличает ее от других цивилизаций, где главной политической формой были иерархические империи (Ibid., p.32). С последним утверждением можно поспорить. Скажем, месопотамская цивилизация значительную часть своей исторической жизни провела в состоянии политической раздробленности, тогда как в Европе существовали такие иерархические империи, как Австро-Венгерская и Российская. Российская империя опиралась на универсалистские идеи, базировавшиеся на наследии Византии (идея “третьего Рима”). Но эти возражения не отрицают вывода Т.Спайби относительно Западной Европы. Они лишь ограничивают его применимость этим пространством.

Процессы глобализации заставляют западных социологов вглядываться в прошлое, по-новому реконструируя исторический путь Европы. Говоря о каравеллах Колумба с красными крестами на белых парусах, Т.Спайби считает, что именно с этой великой авантюры, которая осмысливалась современниками как продолжение крестовых походов, началась мировая экспансия европейских государств. Отсюда проводится детерминационная цепочка, завершаемая “электронной революцией” и тем состоянием мира, о котором во вводной главе, написанной авторами совместно, сказано с тонкой иронией: “Иногда кажется, что мы являемся свидетелями не “конца истории”, а “конца географии” (Ibid., p. 8).

У авторов монографии не вызывает сомнений то, что нынешняя глобализация связана с распространением европейской модели государства и западной культуры (Ibid., p. 218). Однако глобальные последствия европейской истории бросают вызов самой Европе. Во-первых, он исходит от США, которые будучи генетически связанными с Европой и продолжая многие европейские традиции, продемонстрировали гораздо большую эффективность федерации в глобализирующемся мире, нежели традиционные национальные государства. Во-вторых, в поле мировой политики появилось множество новых акторов (международные организации, ТНК и т.п.). Сила многих из них сопоставима с мощью национальных государств, а то и превосходит ее. Вследствие этого национальные государства теряют монополию на правовую регуляцию процессов на своей территории. В-третьих, к процессам глобализации успешно приспосабливаются страны, не относящиеся к европейской цивилизации. В связи с этим Т.Спайби говорит о том, что для мировой истории характерны некие очень большие исторические циклы, связанные с колебанием мирового экономического центра между Европой и Китаем (Ibid., p.39–40).

Ответом Европы на эти вызовы времени стало движение к наднациональному объединению, результатом которого является ЕС.

Конечно, было бы опасным упрощением процесс формирования единой Европы связывать исключительно с вызовами глобализации. Авторы монографии в самой европейской модели национального государства находят предпосылки для развития в этом направлении. Вскрывая эти предпосылки, они пользуются методом, который я определил бы как генетико-диалектический. Любую новую форму общественной жизни они объясняют противоречиями, которые развились в предшествующих формах.

Историко-социологические реконструкции, представленные в монографии “National and Ethnic Identity in the European Context”, можно объяснить новой ретроспективой, обусловленной формированием европейского единства. Новый общественный интерес заставляет по-новому оценивать значение различных факторов и событий в истории Европы. Например, Т.Спайби пишет, что при объяснении происхождения европейских демократических форм государственной жизни нельзя ограничиваться упрощенной исторической цепочкой: древнегреческий полис – итальянские города-государства эпохи Возрождения – современное государство. С его точки зрения, в этом ряду нельзя игнорировать абсолютизм с его регулярным сбором налогов, позволяющим держать большие армии (Ibid., p. 41). Особое внимание ученых из Уэльса привлекает период европейской истории после 1789 года, когда в огне Великой французской буржуазной революции утвердился принцип нации как сообщества суверенных людей, являющегося источником политической власти (Ibid., p. 15–17). Эндрю Томпсон считает, что стремление национальных государств к контролю над своей территорией вело к росту бюрократии и милитаризма. Это находило свое отражение в государственном патриотизме. Но мобилизационные усилия государства вызвали политизацию масс, которые начинали требовать для себя прав как для членов нации. В конечном итоге это и было предпосылкой движения к государству всеобщего благоденствия. Этот лозунг в западных демократиях стал особенно актуальным после Второй мировой войны. Это должно было сохранить послевоенное национальное согласие путем экономического роста. Поэтому, по мнению Э.Томпсона, толчок к интеграции был дан форменным национальным прагматизмом (Ibid., p. 27–28).

И хотя движение от Европейского объединения угля и стали (1951) через Европейское экономическое сообщество (1957) к Европейскому Союзу (1992) прежде всего обуславливалось экономическим прагматизмом, оно заложило предпосылки более глубоких изменений. Почувствовав, что Европа превращается в крупнейший экономический центр мира, общественность старого континента все решительнее требует, чтобы европейская интеграция наполнялась социальным содержанием. Популярным становится лозунг “Народной Европы”. Э.Томпсон пишет: “Если идея “Европы, близкой своим гражданам” должна означать что-то весомое, необходимо самое непосредственное вовлечение работающих на нижнем уровне государства представителей в процесс принятия политических решений в ЕС” (Ibid., p.84).

Движение к легитимации ЕС в глазах граждан государств, входящих в него, ассоциируется с преодолением комплекса факторов, получивших название “демократический дефицит” (Ibid., p.79–84). Элитизм принятия решений в ЕС связан не просто со злой волей брюссельской бюрократии. По мнению Л.Ходгсон, человеческие права связаны с национальным суверенитетом. Поэтому глобализация снижает уровень обеспеченности человеческих прав, ибо в международном измерении у них нет никакой священной основы (Ibid., p.145–165). Эту тему блестяще продолжил Станислав Конопацкий в главах, посвященных перспективам европейского и мирового гражданства. Он исходит из понимания гражданства как вида предполагающих определенные права и обязанности прямых отношений между индивидом и политическим сообществом (Ibid., p.171). Хотя Маастрихтский договор защищает права граждан стран–членов фактически как граждан ЕС, до гармонии лояльностей пока далеко. Еще большую тревогу у С.Конопацкого вызывает

сохранение практик, которые М.Фуко определил как “исключение Другого”. Поэтому в странах ЕС существуют граждане второго сорта и неграждане (например, 10 млн рабочих-мигрантов) (Ibid., p.198–199).

По мнению С.Конопацкого, и само объединение Европы во многом вызвано боязнью “Другого”, в качестве которого выступает Восток. С точки зрения этого автора, Европа нуждается в пересмотре своих духовных основ. Перспективным ему представляется путь, связанный с последовательным проведением принципа субсидиарности.

С.Конопацкий — оптимист и рассматривает как реальную перспективу “космополитическое гражданство”, возможное, как полагает он, в случае создания глобального солидарного общества, подразумевающего защиту человеческих прав, глобальное правосудие и решение проблем окружающей среды в соответствии с международным правом (Ibid., p.205, 213).

Легко обвинить этого исследователя в излишнем романтизме, особенно после событий 11 сентября 2001 года в США. Однако следует признать, что его рассуждения подчинены строгой логике, исходящей из того, что без утверждения глобальной ответственности человечеству просто не выжить. Глобальный же капитализм без демократического контроля вновь становится диким и разрушительным. С.Конопацкий делает вывод, что поскольку капитализм не может быть деглобализирован, то в глобализации нуждаются демократия и гражданское общество (Ibid., p.215).

Процессы глобализации ведут не только к образованию наднациональных политических объединений, но и к регионализации. Так, Э.Томпсон пишет: “В последнее десятилетие двадцатого столетия по всей Европе “регион” выходит из тени национального государства” (Ibid., p.113). В этом случае лучше было бы сказать, что в 90-е годы XX века происходило интенсивное осмысление феномена регионализации. Сам же процесс начал давать о себе знать еще с 1960-х годов. Под его влиянием страны Западной Европы меняли местное управление (Испания — 1978, Франция — 1982, Великобритания — 1999). Сейчас европейские страны в зависимости от способа решения региональных проблем можно разделить на четыре группы:

- 1) федеративные (Австрия, Бельгия, Германия, Швейцария и т.д.);
- 2) регионализированные унитарные государства (Италия, Испания, Великобритания);
- 3) унитарные государства, передающие полномочия регионам (Франция, Нидерланды, Португалия);
- 4) классические унитарные государства (Дания, Финляндия, Греция, Норвегия, Швеция, Ирландия, Польша и др.) (Ibid., p.114).

Интереснейший пример изменений дает Великобритания. После референдумов, состоявшихся в Шотландии и Уэльсе в 1997 году, а в Северной Ирландии — в 1998-м, в этих регионах были основаны ассамблеи с различным объемом законодательных прав. Наиболее широкими полномочиями обладает Шотландский Парламент (129 депутатов), имеющий возможность принимать законы, касающиеся охраны здоровья, образования, жилищных проблем, большинства сфер уголовного и гражданского права. Он может вводить изменения в налогообложение. Ассамблея Северной Ирландии (108 депутатов) имеет полную законодательную власть в таких сферах, как экономическое развитие, образование, сельское хозяйство, окружающая среда, финансы, кадры, охрана здоровья и социальные услуги. Национальная Ассамблея Уэльса (60 депутатов) имеет только вторичные законодательные полномочия, которые дают возможность адаптировать законы, принятые на центральном уровне, к местным условиям (Ibid., p.116).

Европейская интеграция придала новый стимул регионализации. Это связано с тем, что регионы получили возможность апеллировать к Брюсселю, минуя свои национальные правительства. При Еврокомиссии с 1992 года как совещательный

орган действует Комитет регионов, в работе которого сейчас принимают участие 186 членов. Это позволяет регионам отстаивать свои интересы, прежде всего интересы, связанные с использованием Структурных фондов. Так, Уэльс с конца 1980-х годов по настоящее время получил около 1 млрд фунтов стерлингов, что способствовало его адаптации к новым мировым условиям (Wales Today, p.313).

Объективно процессы в ЕС ведут к формированию многоуровневой идентичности его граждан. Важнейшее значение в деле становления единой Европы имеет согласование трех идентитетов — общеевропейского, национального и регионального. Их реальность подтверждается результатами социологических исследований, приведенными в книге. Естественно, в настоящий момент наиболее проблемной является общеевропейская идентичность. Кстати, ее недостаточная выработанность может стать одним из препятствий на пути быстрого расширения ЕС. Его руководители, да и простые граждане опасаются возникновения “многослойной” конфликтной Европы (National and Ethnic Identity, p.97–111).

Глобализация и регионализация не случайно разворачиваются одновременно. У этих процессов общие корни — становление постиндустриального общества. В короткой рецензии невозможно изложить все идеи двух интересных книг. В заключение хотелось бы указать на две особенности стиля мышления их авторов. Во-первых, они постоянно ищут баланс плюсов и минусов в каждом рассматриваемом общественном явлении. Это и есть дух рационализма, делающего общественные науки (в том числе, а может и прежде всего — социологию) орудием улучшения общества. Во-вторых, авторы, будучи сосредоточены прежде всего на Европе, проявляют живой интерес к жизни всего мира. Это касается и Украины. Обсуждая идею С.Хантингтона о “линии цивилизационной ошибки”, Э.Томпсон делает вывод, что раскол Украины маловероятен (Ibid., p.69).

Думаю, что опыт Уэльса может быть полезен для старых индустриальных регионов Украины. Что же касается процессов европейской интеграции и регионализации, то они будут все больше влиять на атмосферу во всем мире. В определенной мере они повлияют и на будущее Украины. Поэтому рецензируемые книги будут полезны в нашей стране как ученым и политикам, так и студентам.